

ГЛАВА 21. ХРУПКОСТЬ ЖИЗНИ

— Сяо Мо, ну прости ты меня, а? Сдаюсь, виноват! — Хань Дун уворачивался от ударов, вымаливая пощаду. Куда только делась его былая спесь?

Су Мо и сам изрядно выдохся. Он замер, тяжело дыша, и вперил в Хань Дуна сердитый, но уже не такой яростный взгляд.

Хань Дун потер ушибленную ногу и виновато пробормотал:

— Я же понимаю, что ты хочешь сказать. Шутить надо в меру, да? Напугал я тебя. Сам не думал, что свалюсь... Кто же знал, что ты так дернешься.

«Кто... кто это еще дергался?» — Су Мо обиженно надулся, хотя в глубине души понимал: Хань Дун поступил по-мужски. Одно дело — дурацкие шутки, и совсем другое — тот миг, когда тот, не раздумывая, прикрыл его собой и сорвался в воду. Такое не забывается.

— Ну и сорванец, — покачал головой Дядя. — С малых лет от него одни беспокойства. Ладно, я пойду, а вы возвращайтесь поскорее, пора обедать.

— Хорошо, Дядя, идите, — отозвался Су Цзинь.

Лян Цинь, наблюдая за парочкой в стороне, негромко произнес:

— Брат Цзинь, тебе не кажется, что Дун-цзы только и делает, что задирает Сяо Мо? С нами-то он совсем другой. Попробуй мы его так пнуть — он бы нас на куски порвал. А тут... Сяо Мо его колотит почем зря, а он и пальцем не шевельнет.

— Наверное, Дун-цзы просто жалеет Сяо Мо, — предположил Су Цзинь. — Вот и уступает ему, пытается развеселить.

— Ну, только он и решается на такие шутки. Я бы поостергся, — Лян Цинь почувствовал, как кто-то тянет его за руку.

Маленький Тянь Сяоюй смотрел на него снизу вверх.

— Брат, пойдем рыбу ловить.

— Ладно, идем, — Лян Цинь подхватил малыша на руки и зашагал к воде.

Су Цзинь снова посмотрел на брата. Хань Дун опять что-то нашептывал ему, и Су Мо, расплывшись в довольной улыбке, вновь принялся его пинать.

С тех пор как брат подрос, Су Цзинь почти не видел, чтобы тот так дурачился. Сейчас Сяо Мо казался обычным восемнадцатилетним парнем — живым и задорным.

— Сяо Мо, давай я тебе помогу! — крикнул Су Цзинь.

Хань Дун тут же метнул в него колючий взгляд. Су Цзинь лишь фыркнул:

— Что «зависаешь»? Мне что, родному брату помочь нельзя?

— Мое тело позволено колотить только Су Мо, — отрезал Хань Дун.

От этих слов Су Мо стало не по себе. Поймав на себе смеющийся взгляд Хань Дуна, он отвесил ему еще один пинок и поспешил уйти.

— Что, всё? Махач окончен? — крикнул ему вдогонку Хань Дун.

Су Мо обернулся и посмотрел на него как на идиота. Су Цзинь закатил глаза:

— Ты что, мазохист? Тебе нравится, когда тебя бьют?

Хань Дун ухмыльнулся:

— Наверное. Кстати, Сяо Мо сегодня спит со мной.

— А? — Лян Цинь удивленно поднял бровь.

— Угу, — Хань Дун уверенно кивнул.

Он догнал Су Мо у края водохранилища и по-хозяйски закинул руку ему на плечо.

— Чего на ужин хочешь? Я приготовлю.

Су Мо недоверчиво покосился на него. Хань Дун, словно прочитав немой вопрос в его глазах, улыбнулся:

— Я выучил пару простых рецептов. Юньюнь научила.

При упоминании Юньюнь лицо Су Мо мгновенно омрачилось. Он резко сбросил руку Хань Дуна. Тот замер в полном недоумении:

— Эй, ты чего? Опять я что-то не то ляпнул?

Лян Цинь, сидевший неподалеку, бросил в воду камешек:

— Орите погромче, всю рыбу распугаете.

— Отвали! — огрызнулся Хань Дун.

Он легонько толкнул Су Мо в плечо:

— Ну что случилось? Опять характер показываешь?

Су Мо раздраженно попытался оттолкнуть его, но Хань Дун крепко перехватил его запястье и

смягчил тон:

— Ну чего ты? А?

— Да не спрашивай ты его, — подал голос Лян Цинь. — Если Сяо Мо не хочет чего-то говорить, ты из него и слова не вытянешь.

— Посмотри мне в глаза, — Хань Дун силой развернул Су Мо к себе.

Тот не выдержал его прямого, испытующего взгляда и отвел глаза в сторону.

— Ты из-за Юньюнь злишься?

Су Мо тут же вскинул голову. Хань Дун понимающе усмехнулся:

— Так я и думал. Хань Юньюнь — моя двоюродная сестра. Та девушка, которую ты видел тогда... она мне не пара.

Су Мо изо всех сил старался сохранить равнодушный вид, но в груди разлилось тепло. Он и сам не понимал, почему его так задела личная жизнь Хань Дуна. Просто не хотелось, чтобы тот разменивался на случайные связи, пачкая само понятие любви.

— Плевать, — Су Цзинь возник за их спинами словно призрак. — Какое Сяо Мо дело, есть у тебя девушка или нет? Тоже мне, нашел время для объяснений.

Су Мо согласно вздернул подбородок. Хань Дун, глядя на его самодовольную мину, не удержался от смеха.

— Ладно, проехали. Давайте лучше решим, что на ужин. Попросим тетюшку что-нибудь сообразить.

— Я, когда сюда шли, видел на горе дикие грибы. Их можно есть? — спросил Су Цзинь.

— Не знаю, надо у местных спросить. Если съедобные, нажарим вечером с картошкой, — предложил Хань Дун.

Хань Дун и Су Цзинь пошли вперед, вскоре за ними последовал и Су Мо. На берегу остались лишь двое: большой парень и маленький мальчик. Тишину над водохранилищем нарушал только плеск волн, лизавших берег. Обоим эта тишина была по душе.

— О, клюет! — Су Цзинь резко потянул леску. На крючке затрепетал крупный, упитанный карп. — Сяюй, гляди какой! Сейчас придем — запечем в фольге.

Рыба отчаянно билась в руках. Тянь Сяюй осторожно коснулся чешуи маленьким пальчиком.

— Брат Лян Цинь, а мы можем его отпустить?

— Отпустить?

— У него ведь дом там... Ему, наверное, страшно.

Детское сострадание — то чистое чувство, которое когда-то было в каждом из нас. Лян Цинь посмотрел в полные надежды глаза малыша и сдался.

— Хорошо. С этого дня будем рыбачить просто так. Поймали — и обратно в воду.

Карп нырнул в глубину, а Сяюй просиял такой лучезарной улыбкой, что Лян Цинь и сам не заметил, как данное в шутку обещание стало законом его жизни. За годы он отпустит на волю больше рыб, чем смог бы сосчитать.

Вернувшись в свою комнату, Су Мо обнаружил, что его вещей нет. Он обыскал всё вокруг, но одежды и след простыл. Как раз в этот момент заглянул Су Цзинь.

«Брат, где мои вещи?»

— Вещи? — Су Цзинь хлопнул себя по лбу. — Точно, Хань Дун же сказал, что ты спишь у него. Наверное, он их и перетащил.

«Вот же гад!»

Су Мо, не сдерживая гнева, хлопнул дверью и ворвался в комнату Хань Дуна. Тот как раз был в душе. Быстро окинув взглядом помещение, Су Мо нашел свою сумку и уже собирался уходить, когда дверь ванной распахнулась. Хань Дун вышел абсолютно нагим. С его волос стекали капли воды, медленно прокладывая дорожки по шее и груди.

В голове у Су Мо словно что-то коротнуло. Он резко отвернулся и, прижимая к себе охапку одежды, пулей вылетел из комнаты. Хань Дун опешил — он редко видел Су Мо в таком замешательстве. Обычная горделивая осанка сменилась суетливым семенящим шагом.

— Ты чего? — крикнул он вслед.

Су Мо лишь на миг замер, метнул косой взгляд и скрылся, пылая ушами.

— Он что, покраснел? — пробормотал Хань Дун с усмешкой.

Ночь в деревне была сказочной. Звезды усыпали небо так густо, что казалось, до них можно дотронуться рукой. Сидя на пороге дома и глядя в эту бездонную высь, чувствуешь, как в душе воцаряется покой.

Су Мо глубоко вдохнул ночной воздух, наслаждаясь моментом.

— Красиво тут, правда? — Су Цзинь присел рядом. — Сяо Мо, а у тебя есть мечта?

Су Мо посмотрел на него и промолчал. Мечта? Для него это слово звучало слишком роскошно. Он хотел учиться, хотел твердо стоять на ногах, хотел... говорить. Но разве это возможно?

— А вот у меня есть мечта, — Хань Дун устроился с другой стороны и привычно обнял Су Мо за плечи. В другой руке у него дымилась сигарета. — Моя мечта — быть рядом с тем, кого я... ну, вы поняли.

— Господи, Дун-цзы, у тебя кроме «шуры-муры» вообще мысли в голове есть? — фыркнул Су Цзинь.

— Есть, конечно.

Братья одновременно посмотрели на него. Взгляд Хань Дуна остановился на лице Су Мо. В лунном свете его «глаза-персики» отражали сияние звезд.

— Баловать того, кого хочу баловать.

Су Мо поджал губы и снова уставился на небо. Су Цзинь усмехнулся:

— Слушай, ты меняешь подружек чаще, чем рубашки. Кого ты там баловать собрался?

— Будущую жену, — Хань Дун толкнул Су Мо плечом и, заглядывая ему в лицо, спросил: — Верно я говорю?

«При чем тут... при чем тут я? Меня-то зачем спрашиваешь?» — Су Мо пихнул его локтем в ответ и недовольно покосился.

— Да уж, посмотрим, когда ты остепенишься. А пока лучше об учебе думай.

Хань Дун затаился:

— Тоска. Не хочу больше учиться.

— А что делать будешь? Учись давай, не майся дурью.

— Видно будет, — Хань Дун сделал еще пару затяжек.

Су Мо украдкой разглядывал его профиль. Стоило признать: черты лица у Хань Дуна были на редкость правильными и мужественными.

— Сяо Мо, иди ко мне в комнату спать. У твоего брата там совсем тесно.

— Иди-иди, — подхватил Су Цзинь. — Ты же сам жаловался, что дышать нечем. Как раз у Дун-цзы места много.

«Брат, а мы разве не вместе?» — Су Мо и хотел бы пойти, но перспектива делить кровать с Хань Дуном его пугала.

— Что он сказал? — спросил Хань Дун.

Су Цзинь решил, что в гостях не стоит привередничать, поэтому ответил:

— А, говорит, ладно. Ай-ай... больно же!

Договорить он не успел — получил чувствительный щипок. Хань Дун всё понял, но развивать тему не стал.

— Тогда носи вещи ко мне. У меня и душ в комнате есть.

Су Мо пулей вскочил на ноги, отвесил обоим по пинку и скрылся в доме. Два сапога пара!

— Ох, блин, — Хань Дун выбросил окурок. — Честное слово, не будь он твоим братом, я бы ему так всыпал...

— И почему же ты его не трогаешь? — прищурился Су Цзинь.

Хань Дун посмотрел на него:

— Ради тебя стараюсь.

— Надо же, какой я важный, — рассмеялся Су Цзинь.

Поднявшись наверх, Су Мо столкнулся с братьями Лян. Лян Цинь нес на руках укутанного в полотенце Сяюю. Малыш разомлел после купания и мирно сопел на плече брата.

— В доме прохладно после душа, — шепотом сказал Лян Цинь, глуповато улыбаясь. — Отнесу его скорее в постель.

Су Мо кивнул и зашел в большую комнату Хань Дуна. Свет включать не стал — лунного сияния, заливавшего всё вокруг, было вполне достаточно.

— Мыться будешь?

Су Мо вздрогнул — он не заметил Хань Дуна. Тот закрыл дверь и зажег свет.

— Может, вместе сполоснемся?

Су Мо одарил его презрительным взглядом, подхватил чистую одежду и скрылся в ванной, демонстративно провернув ключ в замке.

«Вместе? Размечтался».

Утренний воздух в деревне был необыкновенно свежим, с легким ароматом влажной земли. Су Мо проснулся ни свет ни заря и отправился к рисовым полям. Стояла пора сбора урожая: крестьяне уже вовсю работали, связывая золотистые снопы в ровные ряды.

— Ты тоже не спишь? — Лян Цинь шел по меже.

Су Мо кивнул. «А где Сяюй?»

— Спит еще, без задних ног, — Лян Цинь протянул ему крупный помидор.

Едва Су Мо коснулся плода, как его глаза расширились. В сознании яркой вспышкой промелькнуло видение: Лян Цинь в больничном коридоре, врачи, суета...

— Что с тобой?

Су Мо схватил Лян Циня за руку, пытаясь разглядеть подробности, но видение оборвалось. Его всегда бесило, что он может заглядывать в будущее лишь на пять часов вперед.

«Срочно возвращайся домой. С твоей бабушкой может что-то случиться».

— С бабушкой? — Лян Цинь знал о шестом чувстве Су Мо, но поверить в такое среди бела дня было сложно. — Сяю Мо, я ценю твои предчувствия, но с чего бы вдруг? Она меня с утра пирожками кормила, просила овощей деревенских привезти...

«Поверь мне хоть раз! Если опоздаешь, случится непоправимое!» — Су Мо отчаянно зажестикублировал и нахмурился.

Лян Цинь озадаченно почесал затылок.

— Ладно. Позавтракаю и съезжу, проверю. Присмотришь за Сяююем?

Су Мо кивнул. «Только уезжай как можно скорее».

— Хорошо, не волнуйся.

Завтрак затянулся на два часа. Собрав сумку с овощами, Лян Цинь собрался в путь.

— Сяююй, веди себя хорошо. Если всё будет в порядке, я вечером вернусь.

— Братик, возвращайся поскорее!

— Обязательно.

Попрощавшись с хозяевами, Лян Цинь уехал на машине Хань Дуна.

— Что там с его бабушкой? — Хань Дун серьезно относился к предсказаниям Су Мо.

Тот выглядел крайне обеспокоенным. Он беззвучно произнес три слова: «Ей очень плохо».

Су Мо не знал деталей. Он не знал, успеет ли Лян Цинь. Оставалось только надеяться.

— Не переживай, Лян-цзы парень быстрый, всё будет хорошо.

Но больше всего отсутствие брата тревожило маленького Сяоюя. Он прождал весь вечер, но Лян Цинь так и не появился. Уже перед самым сном Хань Дуну позвонили. Он включил громкую связь.

— Алло, Лян-цзы, ты как? — спросил Хань Дун.

Вместо ответа из трубки донеслись тяжелые, сдавленные рыдания.

— Ты чего плачешь? Что стряслось? — встревожился Су Цзинь.

Лян Цинь на том конце провода зарыдал в голос:

— Это я виноват... Опоздал... Врачи говорят... Бабушка Дан не дотянет до утра... Всё из-за меня... Она ждала меня, хотела пельменей наварить... А я... я обещал ей, что она еще горя не будет знать...

Эта новость оглушила всех. Бабушка Дан была душой их компании — всегда веселая, гостеприимная. Когда у Су Цзиня когда-то было туго с деньгами, именно она вязала Сяо Мо и Су Цзиню теплые шапки и варежки на зиму.

— Бабушка Дан... — у Сяоюя потекли слезы.

Су Цзинь с покрасневшими глазами крикнул в трубку:

— Лян, держись! Мы сейчас будем!

Сборы были недолгими. Дядя лично сел за руль, чтобы довезти их до Чаньюаня.

Родители Су примчались в больницу сразу после звонка Хань Дуна. Они нашли Лян Циня в пустом лестничном пролете — он сидел на ступенях, спрятав лицо в ладонях, и его плечи мелко дрожали.

Мама Су не выдержала и заплакала. Как же хрупка человеческая жизнь... Ведь всего пару дней назад бабушка Дан улыбалась ей и говорила, что обязательно должна дожить до свадьбы внука.

Люди... Мы так мало ценим то, что имеем, пока не станет слишком поздно.

<http://bllate.org/book/17506/1658417>